

18+

МЫС ПЛАКА



ЕВГЕНИЙ МОРОКОВ

Евгений Мороков

Мыс Плака

«Издательские решения»

Мороков Е.

Мыс Плака / Е. Мороков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938863-6

За что вы любите лето? Не спешите, подумайте! Если уже промелькнуло несколько картинок, значит, пора вам познакомиться с данной книгой. Это история одного лета, в которой есть жизнь, есть выбор, соленый воздух, вино и море. Боль отношений, превратившихся в искреннюю неподдельную любовь. Честность людей, не стесняющихся правды собственной жизни. И алкоголь, придающий легкости каждому дню. Хотите знать, как прощаются с летом те, кто безумно влюблен в него?

ISBN 978-5-44-938863-6

© Мороков Е.
© Издательские решения

Содержание

Приветствие	6
Утреннее солнце	10
Болонка	15
В болезни и здравии	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мыс Плака

Евгений Мороков

Иллюстратор Рустам Салюков

© Евгений Мороков, 2018

© Рустам Салюков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-8863-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мыс Плака
Евгений Мороков

Приветствие

Автобус мчался по скользкой дороге, не замечая дождя, избивающего запотевшие окна в салоне. Крымские вечера в конце августа приходили рано, но скучать по солнцу никто не собирался. В салоне царил тишина, несмотря на то что все места заняты. Люди начинали зевать от монотонных сползающих по стеклу капель. По радио играла с частыми переборами «Европа плюс», водитель не разгонялся больше пятидесяти, чтобы в случае серпантина не создавать опасности на дороге. Мы с Арчи слушали музыку, разделив одну пару наушников, пытаюсь сосредоточиться на песне, играющей из одного уха.

Я ехал в Утёс впервые, хотя и прожил в Крыму пятнадцать лет, а ещё семь лет приезжал по несколько раз в год побывать дома. Каждый раз, возвращаясь обратно, я находил что-то новое, незнакомое глазу и сердцу. Порой в душе горела ненависть к этому месту, к дому, где родился, к забытым улицам, одинаковым лицам. Но чаще всего я любил свою родину, любил запах природы, шум моря, чистое звёздное небо. В Москве такого не встретишь, там всё иначе. Столица походила на уставшую красавицу, с кучей хирургических операций, скверным характером и большими запросами.

– У «Санта-Барбары» остановите, – кричал мужчина на последних рядах.

– Нам тоже надо выходить, – Арчи отдал наушник, вытащил рюкзаки с полки и глазами указал на дверь.

– Ну ладно. – Голос немного подводил, волнение накатывало. Четыре месяца без работы, а теперь снова стал официантом. В восемнадцать лет я поклялся себе, что больше никогда не буду прислуживать людям в общепите, именно в общепите, потому что мы в большинстве случаев обслуживаем людей, хотим этого или нет.

Дождь закончился, асфальт превратился в каток, где люди пытались устоять на ногах, спускаясь по серпантину к яркой набережной, усыпанной летними огнями. Включив фонарики на телефонах, мы отправились навстречу сезонным приключениям.

Лунные блики гуляли по спокойному морю, его не слышно, оно ещё далеко, но воздух уже пропитан морской солью. Крыши эллингов прятались в темноте, только яркие вывески пресных названий освещали остывающие стены.

Мы спускались вниз. В руках два пакета с бельём и одеждой, в рюкзаке ноутбук, несколько книг и дневник, где мне надо было искать ответы на свои вопросы. Внутри крыса под названием «Страх», она успела сделать несколько нор, поэтому свободно передвигалась по всему телу. Музыка сухих листьев разносилась по пустым узким улицам Утёса, рождая что-то новое внутри меня.

– Сейчас ты познакомишься с тремя бочками нашего заведения. – Он ухмыльнулся и зашагал быстрее.

– Да-а... Уже в предвкушении.

Арчи шёл впереди, длинные худые ноги делали огромные шаги, поэтому мне постоянно приходилось догонять его. С ростом в метр девяносто он весил примерно семьдесят пять килограммов. Вечно загорелый не по погоде, с прямыми чёрными волосами, раскинутыми на круглой голове, напоминающей волейбольный мячик, с одним изъяном – острым подбородком. Его внешность можно было сравнить с героями турецких сериалов по ТВ, но он был русским человеком по паспорту, а значит, и русским в душе.

Набережная была полупустая. Отдыхающие укутались в толстовки, накинули рубашки, льняные брюки, оставив шорты до следующего утра. Штормовое предупреждение пугало их, они спешили в номера, успев захватить разливного пива, рыбки, раков и прочей мишуры. А мне нравилась такая погода. Ветер создавал ритм с помощью вывесок, а волны превратились в барабанную установку. Всего-то не хватает танцев людей, но это не смогут сделать приезжие,

которые с утра до вечера мажутся солнцезащитными кремами, попивая мохито на белоснежных шезлонгах. Это подвластно местным, ставшим рабами на летний сезон. Они работают в самое пекло, чтобы сохранить копейку в кармане потрёпанных шорт. С утра и до вечера их взгляды касаются морского зверя, они хотят играть с ним, но время не то, а когда наступает ночь, они сбрасывают цепи, превращаются в укротителей самого опасного и непредсказуемого зверя. Так было раньше, так происходит и сейчас на тёмных пляжах Чёрного моря. Это не любовь в отпуске, это любовь на всю жизнь.

Мы подошли к трёхэтажному заведению. Если бы не светодиодная вывеска «Морской дом», то можно было бы решить, что это небольшая гостиница. Стеклопанельные окна и двери показывали жизнь внутри комнаты. Человек пять-шесть развалились на стульях, играя в карты. Их поникшие лица открывали всю правду этого места. На часах половина десятого, а они уже не работали, не жили и даже не существовали, а просто ждали. Ждали окончания смены, начала нового дня, нового года. Может быть, там будет просвет?

Мы побрели внутрь, навстречу пугающему свету. «Представление начинается», подумал я. Публика оживилась, заулыбалась, словно нас ждали весь вечер. Я пожал руки незнакомым людям, взглянул в глаза приунывшим дамам, кротко поприветствовал всех, а может быть, и никого. Не думаю, что это кому-то было важно.

Арчи чувствовал себя уверенно. Звонкий голос, расслабленная походка, колкие шутки в адрес нескольких человек вызвали животный смех. Я начинал чувствовать, как под тяжестью рюкзака потеет спина.

Имя! Ещё одно! Ещё, ещё!.. Нет, ничего не запомнить. Яркий свет режет глаза. Проклятый рюкзак. Хочется курить, хоть и горло пересохло. Выбежал на улицу, присел на бордюр, достал спички, чирк...

Огонь поглощает дерево. Так это забавно. Наша жизнь как спичка из потасканного короба. Мы можем поджечь её, восхищая всех вокруг небывалым пламенем, а можем так и не понять, что с ней делать, оставляя надежду на чью-то помощь. Сыреем и умираем.

– Та какие тут выручки? О чём ты говоришь?! – Украинское «г» ударило по спине. Резиновые шлёпки трещали на тяжёлых ногах. Стук приближался ближе.

– Ну, на прошлой неделе мы нормально домой забрали капусту. – Они спустились по ступенькам. Подошли ко мне. – Марк, это наша администраторша Катюха, она у нас рыжая лисица. – Он потрепал её медные волосы, выставляя напоказ белые зубы.

– Да иди ты к чёрту.

Я попытался произнести «Очень приятно», но они схватились в шуточной драке и ничего не слышали.

Не успел выкинуть окурочку, как в дверях появилась ещё одна крупная фигура. Безразмерный халат обтягивал широкое тело. В зубах сигарета, в левой руке зажигалка. Огонь осветил мрачное уставшее лицо. Тонкие крошечные губы сложились в круг – лёгкие сделали выдох. Светлые волосы грязными локонами падали на плечи. Лоб облепили мелкие капельки пота, из-за чего чёлка убрана на левый бок. В этой огромной женщине была некая сила: в её движениях, в глазах, в наплевательском отношении ко всему миру.

– Натаха выплыла – вода из берегов вышла! – закричал Арчи, убегая от Кати.

– Сгинь, дохлик. – Она спустилась со ступенек, потянулась на месте с сигаретой в руках, затем повернула направо и неторопливо побрела к стулу, стоявшему сбоку от кафе, между боковой стеной и зданием, торговавшим раками.

Мы оставили вещи, осмотрелись, затем отправились разминать ноги на просторной набережной. Ветер с дождём усиливался, поэтому людей почти не осталось. Мы зашли в магазин за двумя банками пива, шоколадкой и бутылкой газировки.

Волны разбивали камни, бились о фундамент кафе, стоявших в море, они кричали и показывали собственную мощь. Фонари светили через каждые десять метров. Свет попадал

на частные пляжи отелей, где всё заасфальтировано, где каждому лежаку присвоено место, каждому зонтику. Ещё утром здесь царили люди, сейчас царит море. Гиганты в морских доспехах избивали, крушили этот частный клочок земли. Мы остановились рядом с фонарём и наблюдали.

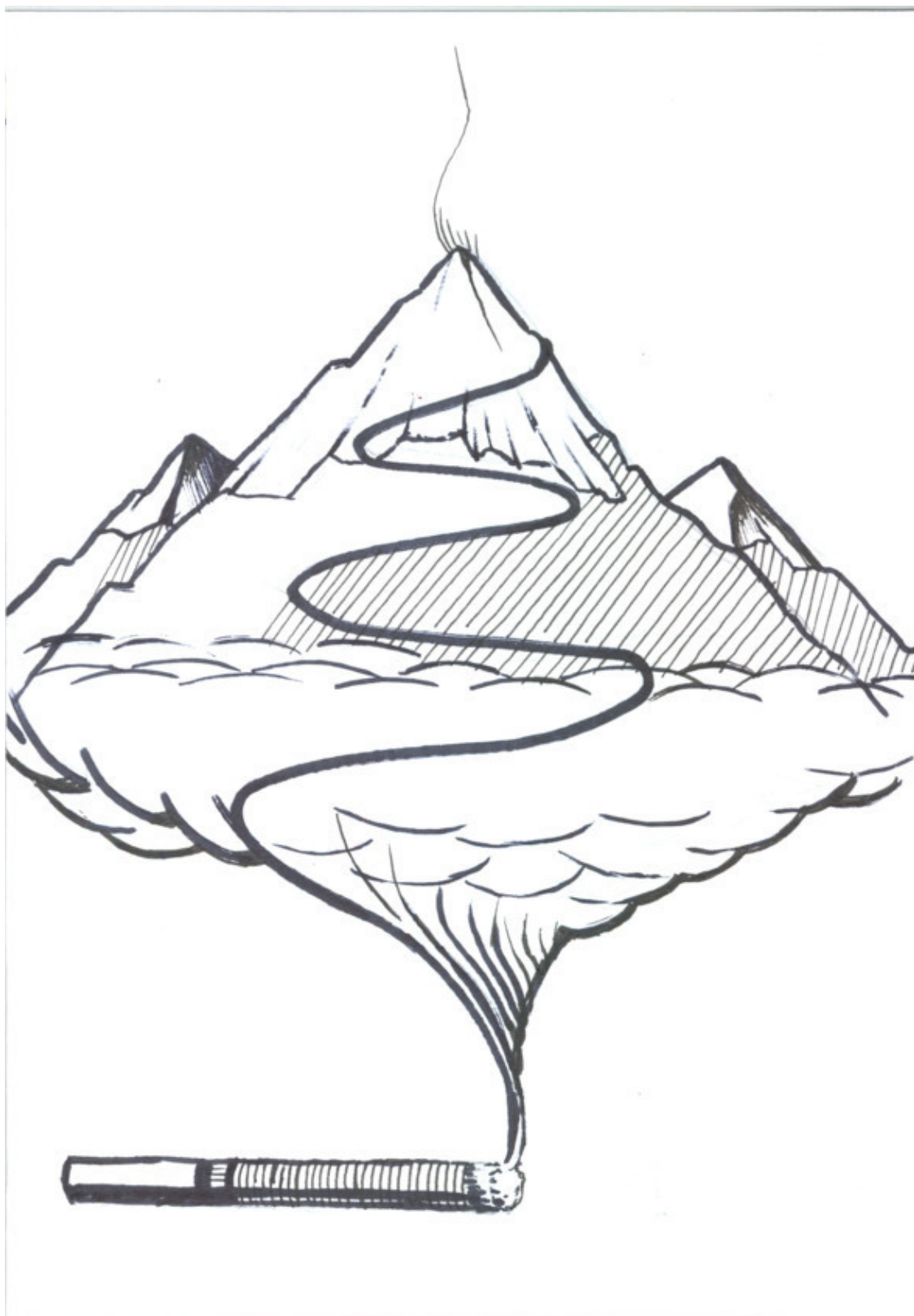
Вода и ветер играли любимую песню, уникальность их музыки заключалась в неповторимости. В такие моменты сердце производит тёплую грусть. Твоя пустота и одиночество смывается под эти мелодии и запахи. Даже если кто-то стоит рядом, ты всё равно остаёшься с морем один на один. Ведь оно не снаружи, оно внутри тебя.

– Ну что? Вот и ещё одно лето подходит к концу, – Арчи сказал это, не глядя на меня, он оперся на перила, устремив взгляд на шипящие волны.

– Да. Ну и чёрт с ним, с этим летом. У нас всегда ещё в запасе осень. – Мне захотелось спуститься вниз. – Погнали на пирс.

Мы дошли до пирса, он входил в море метров на пятьдесят, может, чуть больше. Шагая по холодному бетону, ноги вступали в лужи из пыли и воды. Мы остановились у предпоследней колонны. Я открыл вторую банку пива, но не успел сделать и глоток, как волна ударила меня по спине. Холод пробежал по телу, я засмеялся, как ребёнок, убегающий в жаркий день от волн по горячему песку. Арчи прятался от надвигающихся волн, забегая за колонну, отходя назад, если его одежде угрожала опасность, а мне оставалось только смириться.

Когда мы возвращались в наш временный дом, чувство тоски поглощало меня. Каждый из нас ушёл в себя, только удары волн и собственные шаги резали слух. Море топило изнутри, поднимая на поверхность самые тяжёлые воспоминания и эмоции, пытаюсь очистить нас или заставить захлебнуться в собственных переживаниях.



Утреннее солнце

Я проснулся задолго до будильника. Тусклый свет из коридора подглядывал за нами. В комнате играла мелодия непринуждённого храпа. Всегда забавлял тот факт, что мужчины и женщины храпят одинаково. Поэтому не сразу понял, кто сегодня выступает.

Весь сон из меня выбила верхняя койка. Она, как неприступная средневековая крепость, даже не пошатнулась от тарана овальной головы. Лёгкое головокружение – лучшая зарядка. Поднявшись по высоким скользким ступенькам, открыв двери, я вышел на площадку. Солнце только начинало восходить на законный престол. Я прислонился к стене, закурил сигарету не от нужды, а, скорее, от прохладного воздуха. Открытая площадка с двенадцатью столами, одним проектором, шестью небольшими колонками, повисшими на натянутом потолке, да закрытый мангал. Скучное местечко, правда, радовало то, что у нас был собственный пирс и выход к нему прямо из кафе.

Лучи солнца скользили по спокойному синему морю, они словно кидали спасательный канат, надо только ухватиться, но люди привыкли нежиться под лучами солнца, а не идти за ним. Сигарета дотлела, так и не дав мне сделать последнюю тягу.

Около девяти часов началась наша работа. Арчи вымывал и начищал площадку, я подметал полы внутри кафе, лестницу и бар, после расставляли стулья, приборы, выносили мусор и доводили всё до ума. Как оказалось, девчонки были те ещё лентяйки. Они вставали к десяти часам, выносили мусор и забивали на уборку.

Перед открытием мы позавтракали сырниками со сгущёнкой, запивая апельсиновым фрешем, включили музыку, сделали нашим дамам латте, затем присели на баре с разных сторон.

– Может, коктейль будешь какой-нибудь? – Арчи не терпелось показать все прелести того, что мы являемся официантами-барменами, при этом материально не отвечаем за бар.

– Мужик, только начало одиннадцатого! Даже я в такое время не пью. – Я пытался крутить разнос на среднем пальце, этому меня научил один знакомый, когда мне было лет пятнадцать.

– Да давай один вмажешь, «Мохито» или «Пина колада», «Голубая лагуна»? Или замутим свой. – Он глазами оценивал разновидности алкоголя, к которым я питал некую слабость, но только после захода солнца.

– Мальчишки! Столик пришёл, – прилетел Катин голос из зала.

– Возьмёшь? – Арчи стоял за баром, а я находился со стороны площадки.

– Ладно.

Кафе устроено таким образом, что при входе люди попадают в закрытую часть зала, где всего лишь пять маленьких столов. С правой стороны кишка, где находится туалет для персонала и посудомойка, дальше, если пройти вглубь кишки, идёт кухня с баром, а если пройти прямо, минуя ненужные повороты, то выходишь на открытую зону с видом на море. Поэтому, когда заходили гости, кто-нибудь из девчонок сидел за столом, попивая кофе, уткнувшись в телевизор на стене. Они поднимали задницу и подходили на бар напомнить нам о работе. Чаще всего там просиживала Надюха, ей лень было поднимать огромный зад, она разминала голосовые связки криками «Люди пришли!», «Пацаны, к вам гости!», «Хлопцы, пора работать!».

Бар находился с краю, его поместили за стеной, благодаря этому мы могли прятаться там от камер, работающих круглосуточно. Я взял блокнот с ручкой, поправил фартук, выходя из убежища, остановился взглянуть на море и отдыхающих людей. Ни в чём не повинную красоту насиловали по большей части старики со старухами, они заходили по пояс в воду и пры-

гали, как болванчики, остужая обгоревшую дряблую кожу. Шляпы и очки, повсюду шляпы и очки.

Вбил заказ в R-keeper, перечитывая ещё раз закорючки в блокноте, напоминая себе, что блинчики должны быть поджарены на сливочном масле. Арчи делал два капучино, а мне оставил подготовить приборы и чай. Блюдца, чашки, между ними салфетка, ложечка, я совсем отвык от этой работы. Сахарница выскользнула и полетела вниз, крик разбитой посуды прошёлся лезвием по горлу. «Чёрт, чёрт, чёрт» – стучало в голове, первый день, первый заказ.

– Отнеси кофе и чай, я приберу здесь.

Мне нечего было сказать, кивнув головой, взяв поднос на четыре пальца правой руки, побрёл к столу.

Никто не сказал ни слова. Возможно, всем плевать, а возможно, они просто не хотели давить на меня в первый день. Так или иначе, но за три часа из моих рук вылетело ещё две чашки и одно блюдо. Неловкость рождала небрежность, а она сжигала изнутри. Хотелось извиниться и уехать обратно домой.

Я вышел покурить, плетёный стул оказался свободным, примостившись удобней, чувствуя, как с непривычки устали ноги, мне захотелось спать. Не успел подкурить, как подошёл худощавый паренёк, светловолосая девушка, лысый мужик – все сбегались к границе кафе и магазина по продаже раков. Рабочий загар клеймил этих ребят, посмотрев на них, можно сразу понять, что это сотрудники кафе, ларьков, сувениров и прочей чепухи. Муравьи, создающие благо другим ценой собственной молодости, собственных лет.

Они всё набегали и набегали. Пожимали руку, улыбались, спрашивали, когда приехал, на сколько и чем вообще занимаюсь по жизни, словно это всё не наша жизнь. Полагаю, многие из них так и думали, ведь так проще. Проще говорить себе, что это временно, дальше всё наладится и, возможно, через месяц, через год, десять лет у них всё изменится. Этот светловолосый парень придет сюда и будет заказывать устриц, стейк из сёмги и вино по названию, а не цене. Эта мысль даёт надежду, которая согревает сырыми ночами в комнатах по восемь человек.

Цена человека измеряется в его искренности. Эти ребята настоящие, им нечего прятать от того, кто такой же, как они. Истории прыгали, будто волейбольный мяч на пляже в разгар дня, все хотели поделиться шутками прошлых дней, вспомнить былые года, когда за день зарабатывали больше, чем сейчас за неделю. Их языки словно крем от загара, спасающий человеческие тела от пламени солнца.

Время шло медленно и нудно. После того как люди позавтракали, все столы убраны, чеки закрыты, а посуда вымыта – начались самые долгие часы безделья, когда не хочется ничего. Мы сидели, уставившись в телевизор, пожирая яркие картинки пресных клипов российских звёзд. Музыкальные каналы поглотили наше внимание, хотелось спать не от усталости, а от занудства.

– Как меня всё достало! Хочу домой! – Надюха присела за столик, начиная стонать ещё на выходе из кухни. Бараньи кудряшки захватили её голову, похожую на спелую тыкву, маленькие зелёные глаза, как два зерна мака в дрожжевом тесте, потерялись в бледной массе. Она упала в кресло и закатила глаза.

– Так двигай, кто тебя держит. – Арчи продолжал смотреть телевизор, не удостоив её взглядом.

– У меня дома столько дел. – Кажется, она даже не услышала его слова. – Столько дел! А в сентябре надо ехать на яблочки. Что мне тут за тысячу рублей целый день посуду мыть? Я лучше яблочки до пяти часов соберу, тысячу получу, а вечером с пацанами пиво пить буду.

– Ну так и вали. Ты уже третий месяц ноешь. – В его голосе чувствовалось раздражение. Я почувствовал жалость к ней.

– Так кто меня отпустит? Ты такой смешной! Я тут всё это время без выходных работаю, получаю копейки и ни разу не жаловалась. С утра встаю раньше всех, чтобы толчки почистить, стирку закинуть, кухню подготовить. Я вообще не должна толчки мыть! В мои обязанности

это не входит! А я мою! Ну хватит, – она сделала глоток из огромной кружки, – эту неделю дорабатываю и сваливаю, у меня дома столько дел. – Но на её лице не было ни капли уверенности, как и в приглушённом голосе.

– Надя, закрой рот, дай телевизор посмотреть. – После этих слов он посмотрел на неё. Ни одна мышца на лице не дёрнулась, в глазах не было злости, скорее всего, это была усталость от непрерывного жужжания. – Хочешь домой? Так вперёд, а если нашла новые уши для своих историй, – он кинул взгляд на меня, – то не стоит, всем здесь и без тебя тошно.

Она ушла на кухню к Натахе, а мы продолжили дальше смотреть телевизор. Я не мог избавиться от чувства неловкости и несправедливости к человеку.

– Ты чего так жёстко?

На экране по второму кругу пошли самые популярные и безвкусные клипы.

– Братан, она три месяца уже выносит всем мозг.

– Ну знаешь, работка у неё не самая лучшая.

– Я её сюда насильно не тянул. – Он знал, что этого мало. – Давай так, через неделю мы вернёмся к этой теме, и ты скажешь своё мнение.

– Ладно, так уж и быть.

К восьми часам во мне уже было два бокала пива, а к десяти ещё два стакана виски с колой. Закрылись мы где-то в половину одиннадцатого. Я убирал стулья, салфетки, подушки, в то время как Арчи прибирался на баре, сделав мне последний коктейль.

Дверь заперта, пришлось выходить на набережную через пирс и несколько метров гальки. Люди гуляли до полуночи, после двенадцати все кабаки закрывались, магазины гасили свет и комары, сосущие алкоголь, разлетались по эллингам.

Морской воздух умиротворял меня. Хотелось танцевать и петь, но оставалось меньше половины коктейля, это немного огорчало. Море играло с галькой, выбивая тёплыми камнями неповторимый ритм.

– А вон ребята отдыхают. – Арчи указал на ресторан «Лотус». – Это по ходу местные. Давай подойдём.

– Местные? – Мы уже шли в их сторону.

– Да. Ну те, кто здесь работает. Не парься, они все нормальные. – Он посмотрел на меня, я кивнул в ответ и сделал глоток.

«Привет, привет, привет». Это походило на массовое кудахтанье куриц. Я заметил, что все стояли полукругом, кто-то крикнул: «Эй, поэт, давай ещё!». Бокал дошёл до середины, не вернувшись обратно. Светловолосый парень, тот самый, что курил сегодня днём вместе со мной, вышел в центр.

– Это Саня, – сказал Арчи, – забавный паренёк, он вечерами стихи читает и бухает.

– Стихи? – Это сбilo меня с толку. – Зачем?

– Думаю, это от скуки. Тут все со странностями. Вот увидишь.

– Ну ладно. – Я запрыгнул на перила в ожидании спектакля.

Ты как птица, сбежавшая вдруг,
Отправляешься снова на юг,
От морозов и каменных выюг.

И придётся мне снова проснуться.
Окунуться в холодную память,
И забыть ведь никто не заставит.

Я запомню тебя молодой,
Птицей радости рядом со мной.

Не успел закричать я «Постой!».

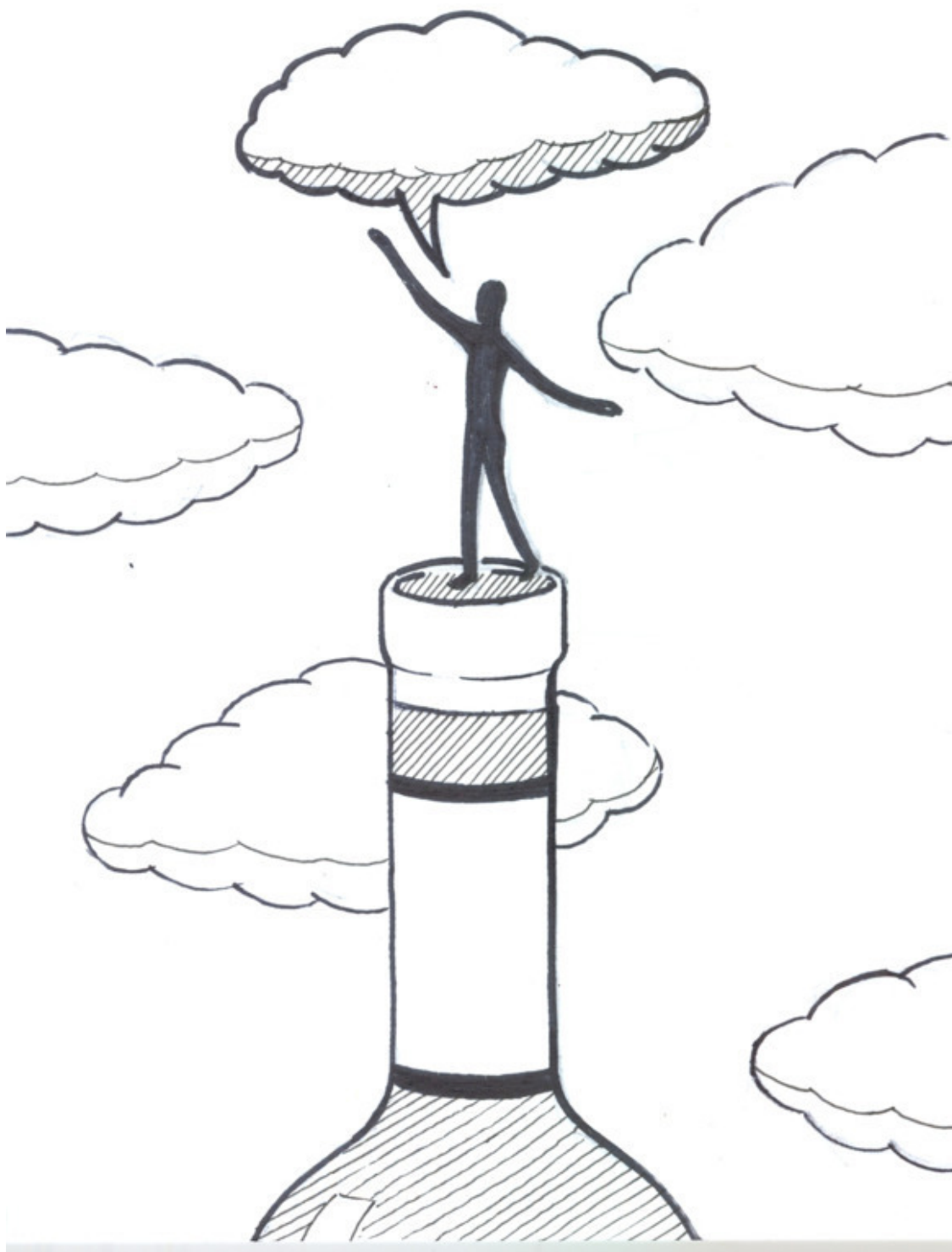
Ну побудь хоть немного родной.
Той любимой, желанной с утра,
Там на улицах наша шпана,

Мне бы вспомнить былые года.
Но теперь не хватает огня.
Ты хоть вспомни разочек меня.
Ведь любовь наша не умерла.

Публика отреагировала довольно странно. Одни хлопали, другие смеялись, некоторые сделали вид, будто ничего не услышали, попивая пивко. Я был удивлён происходящим. Слишком большой контраст между тем, что было в обед, и теперь. Они выглядели счастливыми, весёлыми и живыми. Наслаждаясь моментом, позабыв про день, про работу, дом, семью и обязательства. Чистота в их голосе, в их глазах и действиях. Они не обладали ничем, кроме пары бутылок алкоголя, солёного морского воздуха, шума волн и компании друг друга. Кажется, этого достаточно, чтобы жить и быть настоящим в данную секунду. А остальное? Его нет, если оно не настоящее.

Волны шлифовали бесчувственный пирс. Я смотрел, как они из последних сил пытаются взойти на пирс. Ещё с утра мне бы показалось это невозможным. Невозможно этим маленьким волнам забраться на Олимп, но я знаю, что завтра будут другие волны, у которых это получится. И кто знает, может быть, с помощью этих самых малюток у них получится раскачать море и попасть на вершину. Кто знает?

Сон никак не мог поймать меня в свои сети. В подвале, где находилась наша комната, была одна-единственная форточка. Её не закрывали, чтобы мы не задохнулись от переработки кислорода и неконтролируемого выделения пищеварительных газов во время сна. Морская музыка ласкала слух, я плавал в воспоминаниях прошлых лет, терзая себя колющей ностальгией. Последние строчки стихотворения этого парня всплыли в голове: «Ты хоть вспомни разочек меня. Ведь любовь наша не умерла».



Болонка

На четвёртый день я уже чувствовал себя комфортно. Теперь один из нас вставал в восемь и работал до двенадцати. Затем он уходил спать до пяти вечера, а второй залипал в телевизор или ноутбук, обслуживая один-два столика за это время.

Дни тянулись долго, вечера пролетали слишком быстро. От скуки хотелось повеситься. Около шести столов с утра и столько же под закрытие, а в обед нам приходилось сходить с ума. Иногда Надюхины монологи вгоняли в тоску так, что и встать со стула не хотелось. Ничего не хотелось, ведь нет человека хуже, чем того, кто не любит жизнь. Рядом с ней кафе превращалось в тюрьму, откуда было невозможно сбежать.

Мы согласились работать без выходных до закрытия сезона. Нам этого не хотелось, но денег в кармане почти не было. Каждое утро Катя выдавала на руки порядка двух тысяч. Это небольшая сумма, но мы ничего не тратили на еду и жильё. «Всё же лучше, чем ничего», – говорил Арчи, пожимая губами при взгляде на купюры. Да и вечера у моря радовали нас всё больше. Я стал чувствовать зависимость от ночных видов и посиделок на берегу. Бутылочка пива, прохладный шезлонг и шелест волн, превративший острые камни в гладкие листья.

– Сегодня должна приехать Виолетта со своим женихом, – Катин голос остановил игру в монополию. Я выигрывал. Золотые и алмазные прииски были мои.

– Чего это она тут забыла? – сказал Арчи. На барной стойке валялись купюры и карточки.

– Отдохнуть хотят. Они приедут часов в девять. Так что, мальчики, поглядывайте на зал.

– А вы нам на что? – Он пошёл заваривать второй чайник чая.

– Мы отдыхаем на улице. Натахина подруга приехала.

– Жари-бари, а нас не зовёте?

– Вам работать надо, дайте старухам отдохнуть. – В руке стакан с красным вином, щёки приблизились к оттенку напитка, а глаза блестели от опьянения. Она ушла с улыбкой на лице, кинув нам вдогонку: – Мальчики, посетители пришли.

Около девяти часов я вышел покурить. Музыка из машины долбила хорошо. Компания из шести-семи человек разместилась рядом с креслом, выставив мангал, складной столик и пару стульев из кафе. Шампанское, фрукты, колбаса, сыр аккуратно лежали на столике. Они выпивали бокал за бокалом. Их кавалер, седовласый мужчина в теле, не успевал наполнять фужеры. Никто из них не цедил, не наслаждался напитком. Они плевали на проходящих мимо людей, кидающих высокомерные взгляды. «О, как некультурно, дикари, сынок, не смотри на них» – шептались разгневанные людишки. Да и чёрт с ними. Эта компания давала жару половине набережной, их волновали только бокалы с шампанским, угли в мангале да песни из припаркованного ими автомобиля.

Я смотрел на них с воодушевлением. Дух свободы исходил от этих людей. Плевать на всё, только собственное удовольствие, только так. В наше время редко кому удаётся быть самим собой. И дело не в том, что каждый из нас надевает маску и прячется от мира. Полагаю, это страх быть отверженным обществом. Мы закапываем сами себя. Роем глубокую яму и прячемся там в надежде быть найденными, услышанными. Но этого не происходит и не произойдёт, ведь мы никому не нужны. По сути, люди всегда думают о том, как о них подумают другие, а в итоге всем наплевать, всех заботит то, какого мнения их «Я» в чужих глазах. И вот он, круг замыкается. Мы боимся общественного мнения, в то время как его по факту и нет. Потому что мы никто, так и останемся никем, если будем только бояться.

– Ну что? Коктейль будешь? – сказал Арчи, когда я подошёл к бару.

– Только если виски с колой! – Он пил апельсиновый фреш и натирал посуду.

– Два пальца? – спросил он с ухмылкой.

– Как обычно! – придавая важности голосу, ответил я. Банальная игра вызывает улыбку.

В половину десятого ушёл последний столик. Грязные бокалы, тарелки, покрытые жиром, с остатками еды, уходили Наде. Она ежедневно тщательно вымывала гору посуды. Вычищая, затем натирая их. Я с детства питал отвращение к мытью посуды. Меня подташнивало от вида грязных тарелок и кусков еды с мерзким соусом на них. Ещё несколько минут назад кто-то пожирал превосходное блюдо, а ты должен убирать за ним. Словно подтираешь человеку рот без салфетки. Но Надюха была не такая, она включала музыку на стареньком телефоне, надевала резиновые перчатки и вступала в бой. Без отвращения, без рвотных позывов. Делала своё дело, не думая ни о чём.

Пустой зал дал возможность допить виски. Я вышел на пирс проветриться. Люди маленькими группами прятались по всему побережью. Они верили в свободу. Свободу сегодняшнего вечера, завтрашнего дня. В свободу недели или двух, а потом все возвращаются в реальность работы, учёбы, семьи, повседневных забот.

У меня нет семьи, нет учёбы, каких-то проблем, да и работы нет. Это всего лишь временный остров, на месяц, не более. Что дальше? Свобода дана мне с лихвой, вот только куда её девать – неизвестно. Хочется сбежать из города, страны. Поддаться этому соблазну путешествия. Что останавливает? Деньги? Нет. Друзья? Нет. Привычка? Да. Мерзкая привычка жить так, а не иначе. Чувство, будто всё и так в порядке, только осталось сделать шаг, может, два, и всё образуется. Нужно пережить штиль, ветер примчит. Корабль поплывёт. Никто не умрёт. Зажравшаяся надежда, не дающая опуститься на дно, оттолкнуться ногами от холодных песков океана. «Только не кипятись, всё будет, всё будет» – эта обжёванная фраза остужает весь пыл. Помогает не послать этот мир в тартарары. Дайте больше слов, и никогда не увидите действия. Что-то изменится? Непременно нет.

Мы сидели за баром, когда услышали безжалостные крики женщины. Слова до нас не доходили, только визг. Интерес победил нас, выбежали на улицу, а там подъехал цирк ночных белочек. Натахина подруга орала добрым матом на весь Утёс.

– Ах ты шалава местная! Да я тебя вздёрну на суку! Мажорка сраная! – В этой квадратной женщине два на два погибал оратор. Она пыталась вырваться из цепких рук, но её крепко держала Наташа и кавалер весёлой компании.

– Женщина, успокойтесь и следите за словами, – отвечала блондинка, пятясь назад.

Спустя минуту Катя рассказала нам эту пресную ситуацию, где никакого конфликта и не должно было быть. Виолетта подъехала к парковочному месту у кафе, а там находился мангал. Она попросила убрать его, чтобы можно было поставить машину. Вот только девушка забыла выбрать тон. А мы как раз успели в разгар битвы.

– Ты сраная мажорка! Я тебя разорву! Ты кто вообще такая?! Думаешь, если ты мажорка, то тебе всё можно? Иди сюда, проשמандовка! – Алкоголь убивал все шансы на мировые переговоры. Женщина в красном углу ринга не собиралась сдаваться. Она рвалась изо всех сил к блондинке. Силы одного мужика не хватало, Натаха отчаянно боролась с подругой.

– Следите за словами. – Виолетта чувствовала своё превосходство. Знала, что по факту ей ничего не угрожает, презрительный тон всё так же исходил из её уст.

– Иди сюда, мразь! Ты мне ещё будешь указывать? Малолетка обоссанная! Да отпустите же меня! – Её прижали к собственному автомобилю. Выпускать пар ей удавалось ударами по крыше новенького шевроле. – Убью суку, убью! – Удар, ещё, сильнее. Машина выдержит.

– Я сейчас полицию вызову. Вы переходите уже все границы, – молодую девочку пытались успокоить ребята, приехавшие с ней. Они пытались замять ситуацию, предлагали поставить машину в другом месте, уйти, вот только Виолетта не соглашалась.

– Ах ты грязная болонка! Я тебе пасть сейчас закрою! Мажорка драная!

Это продолжалось славных пятнадцать минут. Некоторые отдыхающие останавливались поглазеть на театральную сцену, другие мельком заглядывали, вспоминали о детях и бежали сломя голову. Любопытство рождает гениальные открытия и глупую смерть.

Виолетта с друзьями всё-таки отступила и не появлялась до самого закрытия, а фюрера угомонили, налив бокал до краёв, выслушивая брань в сторону всех мажоров. Как оказалось, эта женщина добрых тридцать лет работала на государство. Терпение и труд принесли ей предвзятое отношение к молодым и успешным. Я видел в её глазах агонию, ненависть к современному миру. Она страдала от своей участи в нём, страдала от времени, не пощадившего её. А Виолетта всего лишь обычный бухгалтер с высшим образованием и необычным женихом с деньгами, позволяющими закатывать глаза. Труд женщины в наше время не измеряется её работоспособностью. Он измеряется умением найти достойного мужчину. Где его достоинством является туго набитый кошелёк. За деньги можно купить не всё. Однако любовь не является исключением. Любовь продаётся, и цены на рынке упали до предела. Кто-то говорит, что сейчас время такое, мир продажный. Нет. Мир продавался всегда, просто не всегда за деньги.

Катя уже собиралась закрывать кафе, но ей помешала выпившая женщина лет сорока пяти. Она уселась в центре зала, кинула очки на стол, ожидая, когда на неё обратят внимание.

– Здравствуйте, заказ... – Она не дала мне договорить стандартную фразу. Схватила меня за руку, потянула к себе, слишком близко.

– Молодой человек, как вас зовут? – Её голос щекотал правое ухо, а ногти вцепились в кожу.

– Максим. Так вы...

– Максим! Это хорошо. Макс, принеси мне коньяка грамм двести, нарезки и две рюмки. Ты же выпьешь со мной? – Она всё ещё держала меня за руку. На лице поплывшая тушь, розовая помада с блёстками и морщины, много морщин.

– К сожалению, нам нельзя пить на рабочем месте. – Говорил человек, выпивший несколько бокалов пива и стакан виски с колой.

– Я тебя поняла, – она подмигнула мне. – Значит, после работы?

Я попытался освободить руку.

– Не получится. Завтра рано вставать.

– Нет, нет, нет. – Отвратительное кокетство. Она отпустила руку. – Неси уже мой заказ.

Пьяные женщины убивали во мне желание жить. Арчи наблюдал за всем со стороны. Как только я зашёл на бар, пробив заказ, он выплёвывал банальность за банальностью.

– Тебя сегодня не ждать?

Грязная шуточка.

– Пошёл ты, – спокойно сказал я.

– Чего тебе томиться в темнице сырой? Обрадуй женщину. Доставь этому миру удовольствие. – Его понесло.

– Слушай, сейчас сам пойдёшь к ней.

– Это твой столик, братан. Я ничего не в силах сделать.

Нарезка, двести грамм коньяка и одна рюмка. Всего лишь одна рюмка. Она возмущённо посмотрела на меня. Должно было быть две рюмки, но тогда бы я дал понять, что всё-таки могу выпить, с другой стороны, она говорила о двух рюмках. Значит, либо я слишком высокого о себе мнения, предположив, что вторая рюмка мне, либо безответственно отнёсся к заказу гостя. Так или иначе, любой вариант не сулит ничего хорошего. Она это знала.

– А где вторая рюмка? – Совсем другой тон.

– Простите, вы просто одна... – Секундная пауза. – Сейчас принесу.

– И поскорее. Будьте так добры. – Лает, но ещё не кусает.

Арчи всегда был мягче, лояльнее к пьяным дамам, нежели я. Его спокойствие и умение лавировать в разговоре приносили плоды. Через десять минут они вели весёлый диалог. Когда он подошёл на бар за снифтером, упрекая меня рюмкой для водки, я только пожал плечами.

– Братан, может, она оставит хорошие чаевые, – сказал он.

– А может, ты отведёшь её на пляж?

– Всё же лучше, чем с тобой туда ходить.

– Только если ты совсем ничего не видишь в темноте.

– Ой... – Наигранный выдох. – Относись ко всему проще. Вот увидишь. – Он натёр снифтер. – Ах да. Она просила сделать музыку немного громче. Будь так любезен.

– Если в аду будут камеры для двоих, то ты будешь вместе с ней.

Я сделал музыку громче.

Пора было закрываться, никто не хотел задерживаться, да и Виолетта с друзьями вернулась. Они собирались делать шашлыки. Арчи не захотел ей нести счёт. Это должен сделать я. Маленькая кожаная книга, внутри конфликт. Усталость от предстоящего уже внутри.

– Простите, мы закрываемся. Не могли бы вы оплатить счёт? – Главное всё делать плавно.

– Уже?! Но я не хочу никуда уходить. – Она разлеглась на стуле. Лямка короткого платья в крупный цветочек ушла на правый бок. Она была без лифчика. Дряблая кожа в области подмышек добавила отвращения.

– Я понимаю, к сожалению, не могу ничего сделать. – Прядь волос упала прямо на лицо. Морские водоросли из самых жутких глубин подводного мира.

– Не сомневаюсь. А кто меня поведёт домой? Ты или твой друг? – Она прикрыла глаза, придавая интимности фразе, а я хотел засмеяться в голос. – Или мы пойдём дальше гулять?

– Я бы с радостью, правда, вот только закрывать кафе надо, а это занимает много времени.

– Давай говорить серьёзно. Сколько тебе надо? – Она выпрямилась, закинув лицо как можно выше к небу, но там всего лишь жёлтый потолок. – У меня есть деньги.

– Пожалуйста, оплатите счёт. – Я развернулся и ушёл. Начинала болеть голова.

Деньги в пьяных руках придают уверенности, мнимой важности, не более. Мы перестали уважать друг друга, теперь мы уважаем только деньги. У кого они есть, тому крепко жмут руку, целуют в щёку при встрече. «Дайте денег! Больше денег» – вот он, новый день. Люди готовы пожирать коровьи лепёхи огромной ложкой, только заплатите больше. Они готовы пойти на разные унижения, чтобы заполучить купюры, а потом унижать других. Это отдушина за страдание, за боль, мечты и жизнь. Копить на отпуск, затем спустить всё за неделю-другую, чувствуя свободу и власть. Остановиться? О, нет, нет, нет. Это же сегодня у меня забиты карманы, а вдруг завтра ничего не останется. Мы свели этот мир с ума, придумав то, чего нет в природе, – деньги.

Пятитысячная купюра в книге. Пьяная женщина за столом. Сдача чуть меньше четырёх тысяч. Мелочь не позволяет закрыть книгу до конца. Как можно быстрее кладу сдачу на край стола, чтобы незаметно уйти.

– Стоп! – кричит она мне в спину. Я пошлю её к чёртовой матери.

– Что такое? – Уже можно ничего не скрывать.

– Это что? – Она рывком открыла книгу. Несколько монет упали на деревянный пол.

– Ваша сдача.

– Да н***я она мне нужна. Подавись ею, сраный урод. – Она пытается встать.

– Девушка, это ваши деньги. Мне они не нужны.

– Да ты ещё тот козёл. – Ноги почти подвели, но она справилась. Взяла купюры, сжала их в правой руке, на секунду мне показалось, что она хочет бросить в меня эти деньги. – Да пошёл ты.

Прямо на выходе ей попалась Катя. Точнее, Катя сама прибежала на крики сумасшедшего человека. Клиент всегда прав, даже если он не животное. «Мне не принесли сдачу, официант грубиян, я буду жаловаться, завтра вас закроют» – ничего нового. Такие ситуации слишком часто происходят, на них уже никто не обращает внимания. Это только выматывает.

– Максим, что произошло? – Катя слишком добрый человек. Она знала это. Знала, что произошло.

– Всё нормально. Просто пьяный человек. Я пошёл покурить.

– Вы ей чек отдали? – Каждый переживает за свою шкуру.

– Всё нормально, говорю же.

Спустился на пирс, радуясь мнимой тишине. Шум моря перебивал сезонную музыку.

После одиннадцати часов началось движение. Виолетта пришла в компании трёх парней и трёх девушек. Муравьи сразу взялись за дело. Дамы накрывали на стол, мужики ушли к мангалу с бутылкой коньяка. Основное освещение было выключено, на площадке работало только несколько фонарей. Они спешили отдохнуть, хотели опередить минуты, потерянные в этот день. Пошлые шутки всегда заходили на ура после заката. Алкоголь, еда, секс – только и всего.

– Пойдём купаться. – Арчи подошёл ко мне с двумя полотенцами.

– Да, пойдём.

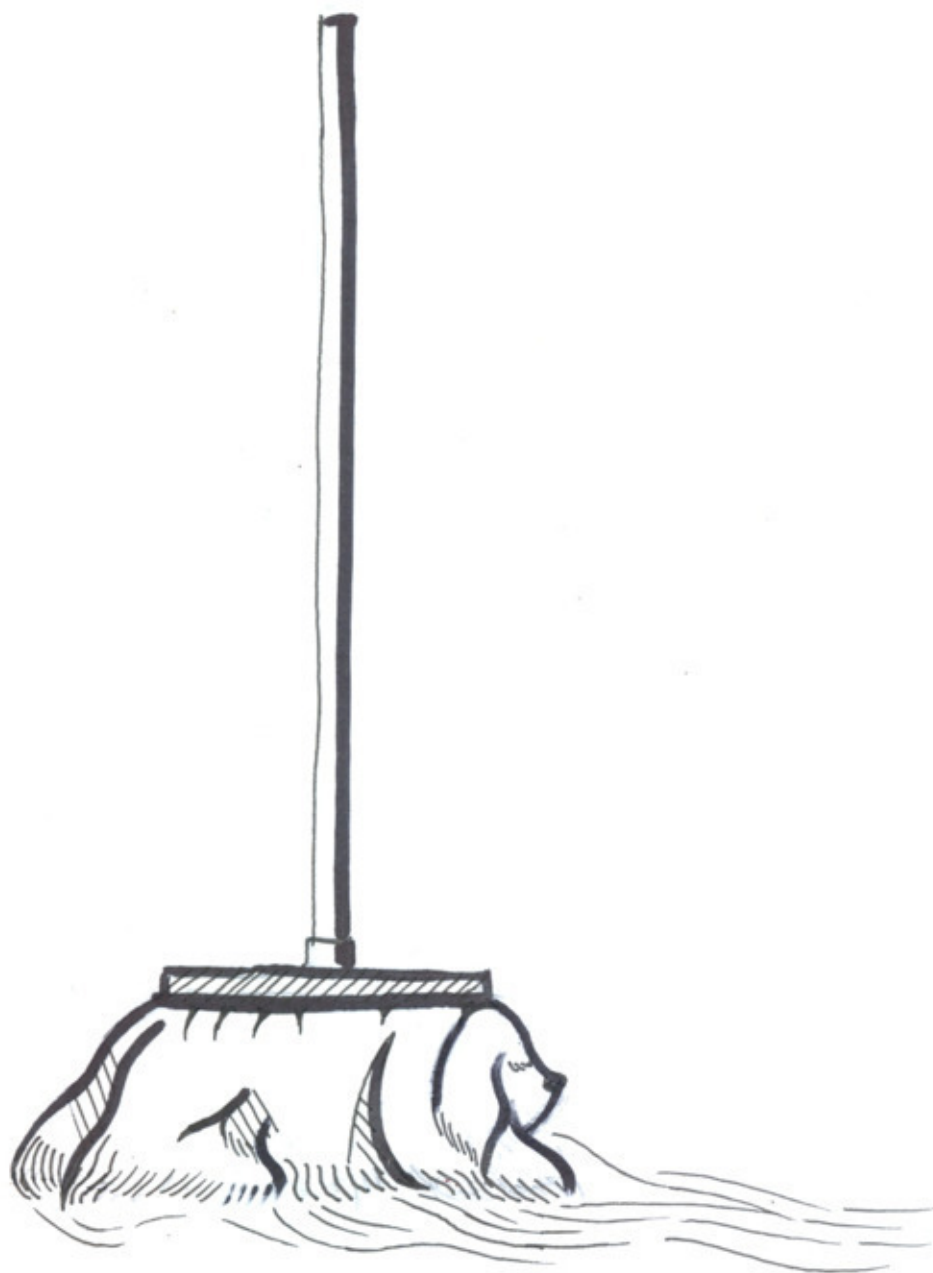
Мы спустились по лестнице к пирсу.

– Ну что? Может, заднее сальто попробуем? – Он уже стоял на шине, смягчающей удар кораблям.

– Ты решил вспомнить былые времена?

– А почему нет? Раньше получалось, думаю, сейчас я тоже не промах.

Он сделал сальто с уклоном на правую сторону, у меня получилось не лучше. Это раззадорило нас. Попытка, ещё одна. Плевать на результат, мы вошли в раж. Море вернуло нас на десять лет назад. Нет работы, забот, постоянной боли, тошноты и жестоких людей. Только море и пирс. Я уже забыл, как приятно плавать под водой с закрытыми глазами, пытаться достать до дна, где вода намного прохладнее и загадочней, чем на поверхности. Всё это было тогда, где-то там. Казалось уже потерянным, но нет. Этот вечер дал мне возможность по-настоящему смеяться и радоваться.



В болезни и здравии

Я подметал площадку, когда мне позвонил брат.

– Макс, привет.

– Привет, Дима.

– Как дела? Как работа?

– Всё нормально, работу всё так же ненавижу.

Он лукаво засмеялся.

– Ничего не меняется.

– Это уж точно.

– Слушай, мы едем в Ялту и думали по дороге заскочить к тебе. Сколько мы не виделись?

Год? Или даже больше.

– Где-то так. Заезжайте, я буду только рад.

– Ты сможешь выкроить для нас пару часиков?

– Да, конечно. Наберёшь, как будете подъезжать. Я вас встречу.

Время подходило к десяти, оставалось только вынести мусор и включить музыку, чтобы новый день начался.

Двери открылись, а я пошёл завтракать сырниками со сгущёнкой. Катя отправилась спать в маленький офис на раскладном кресле, а девчонки побежали курить, попросив меня сделать кофе.

К двенадцати часам мне повезло обслужить два столика, послушать нытьё Нади о возвращении домой да выкурить парочку сигарет. Время шло медленно и скучно, от безделья и ворчания курчавой толстухи начинала болеть голова. Она получала удовольствие от жалости к себе, настолько огромное, что каждый раз готова была расплакаться от своих же слов. Смешно и грустно, но больше смешно.

Я ждал старшего брата, но не мог никак понять – хочу его видеть или нет. В детстве он был примером, наставником, а иногда даже кумиром. Но шесть лет разницы погубили все наши братские чувства. Он окончил университет, ушёл с головой в работу и отношения, а я только пробовал жизнь на вкус. Затем смерть отца, поставившая точку в нашем общении. Мы не говорили об этом, а после не говорили вообще. Никаких звонков, только редкие переписки да поздравления с праздниками.

Арчи вышел на площадку около часа. Зашёл за барную стойку, сделал апельсиновый фреш и в два глотка осушил стакан.

– Сегодня Дима с семьёй заедет к нам. Они в Ялту едут отдыхать, по пути заскочат к нам, – крутя разнос на указательном пальце правой руки, сказал я.

– Здорово. Сколько ты уже его не видел? Год? – Арчи доставал шоколадку из холодильника.

– Год. Прошлым летом неделю провели у мамы в гостях.

– Точно, мы тогда ещё шашлыки жарили.

– Это да... Я на перекур.

– Эй, постарайся в этот раз быть более сдержанным. Улыбайся и радуйся жизни. С племянницей побудешь хоть немного.

– Да ты прям в ряды психологов записался, первое дежурство?

– У меня стажа лет десять, а то и больше. Скоро на пенсию уйду.

– Надеюсь, хоть тогда мы сможем изрядно напиться.

– Не дождёшься, алкоголик.

Я вышел на улицу, кресло стояло свободное, поэтому с радостью раскинулся на нём. Подкурить сигарету удалось не сразу, всему виной дешёвые зажигалки по двадцать рублей. Солнце

палило не на шутку, яркие лучи резали глаза. Даже в тени не удавалось спастись от всепожирающей жары. Они должны подъехать через полчаса. Курить не хотелось, но сигарета тлела.

До шести часов мне предоставили свободное время. Дима припарковал машину недалеко от автобусной остановки, им оставалось спуститься по серпантину прямо к морю. Я встретил их у овощного рынка, куда они подошли через несколько минут.

Первой бежала племянница. Она, словно бумажный самолётик, парящий под силой ветра, сбегала вниз с распростёртыми объятиями и сияющей улыбкой. Дима с Эллой за ней не поспевали, поэтому я подхватил её прямо на повороте к набережной.

– Эй, дамочка, вы куда так спешите? – Я взял её на руки и обнял.

– Ма-а-а-аксим, ты колючий! – Она сделала несколько попыток выбраться из капкана.

– Ох, какая вы грубая. А как же поцеловать и обнять? Неужели не скучала?

– Нет, не скучала, – кротко ответила она. – А ты со мной поплывёшь далеко?

– Конечно, только с родителями твоими поздороваюсь.

Я опустил малышку на землю. Элла с Димой как раз подходили к нам. Я всегда восхищался педантичным вкусом Димы относительно девушек. Элла напоминала белоснежную лилию. Её бледная кожа, серо-голубые глаза, идеальная укладка и аккуратно сложенная фигура с правильной осанкой представляли собой превосходное воспитание. Она всегда знала, когда можно посмеяться, а когда надо быть серьёзной. Редко выпивала, а если и был повод, то только вино или шампанское. Хорошая жена для примерного мужа.

– Привет родственникам.

– Привет, Макс, – сказала Элла.

– Привет. – Дима протянул руку, последовало крепкое рукопожатие, и только.

Два литра пива было выпито. Дима отправился в магазин, а я побежал в море делать заплывы с племянницей. Элла пыталась несколько раз сфотографировать нас с берега, но нам было не до этого. Для своих трёх с половиной лет она оставалась довольно бесстрашной девочкой. Сначала мы поплыли до буйка с помощью надувного круга, затем она превратилась в ракету, которую непременно надо отправить в космос путём применения физической силы, а под конец я превратился в слона, который должен катать её на спине по всему берегу.

После ещё двух литров пива мы решили отправиться в магазин вместе с Димой, пока девчонки загорали на лежаках. Взяв две тары по литру и по бокалу в дорогу, нам захотелось присесть на пирсе. Волны гладили крышки по бокам буны, солнце напекало головы, а пиво быстро нагревалось. Достав спички и сигареты, нам посчастливилось присесть на металлические кнехты.

Разговоры всегда начинались довольно мирно и холодно. Информация и события, как бухгалтерский отчёт, но наступал момент, когда эмоции брали верх, как и в этот раз.

– ...Ну а как тебе здесь работать? – Он допил бокал пива, открыл литровую бутылку и не смотрел на меня, пока я не отвечу.

– Никак. Ты же знаешь, я ненавижу работать официантом, – спокойно ответил я.

– Да, точно. Но ты всё-таки работаешь им. – Теперь пришло моё время наливать себе пиво.

– Всякое бывает. Иногда приходится делать то, что не любишь.

– Это точно. Так, а кем бы ты хотел работать? – Он напал.

– Мы уже с тобой это обсуждали.

– Ты всё так же мечтаешь писать сценарии и работать в кино?

– Не мечтаю, а хочу. Просто на данный момент мне надо на что-то жить, поэтому я здесь. Вот и всё.

– Сколько это длится уже? Два? Три года? Тебе не кажется, что пора взяться за ум и начать учиться, думать о реальном будущем?

– Ну, я ведь учился.

– Ты бросил учёбу.

– Да, она мне не подходила. Это ошибка – учиться из-за страха.

– Какого ещё страха?

– Страху казаться глупым и необразованным. Да ты же сам окончил университет, а в итоге ушёл в ресторанный бизнес. Сколько у вас – три или уже больше кафешек?

– Какая разница. В любом случае, надо получить образование.

– Я получу его. Как только будет возможность. Мы уже с тобой это обсуждали!

– Образование сценариста? Что за глупости! Посмотри на себя! Ты постоянно скитаешься в поисках новой работы, живёшь, как семнадцатилетний студент, в какой-то коммуналке на окраине Москвы. Веселишься там с утра до ночи. О чём ты говоришь? Сколько там? Три сотрясения за полгода? Поломанный нос. Ах да, сколько уже в обезьяннике побывал? Возьмись за голову! – Он вложил в этот удар.

– А-а-а, вот оно, значит, как! Значит, вот так я живу? – Я опорожнил бутылку, наполнив бокал до краёв, сделал несколько больших глотков.

– Я что-то забыл сказать? Ах да-а-а! Твои вечные обиды на семью. Ты у нас самый обделённый. Ты, бедняжка, бросил учёбу, потому что денег не было. Жертва ситуации. Да, я помню, как ты говорил мне это по телефону.

– Знаешь... Я люблю тебя, ты мой старший брат, мы семья, и я понимаю тебя. У тебя серьёзная жизнь, работаешь шесть дней в неделю, выпиваешь только в отпуске, жена, дочь, квартира, машина – всё как надо. Я это понимаю. Но ты построил забор, а за ним у тебя стоит высоченная башня.

– Слушай, говори нормально, не люблю, когда ты так говоришь. – Он скривил лицо и достал сигарету.

– Я говорю о том, что ты любишь наблюдать, но не участвовать. Как часто мы общаемся? Да мы почти не знаем друг друга. Не будь мы братьями, уверен, мы бы и руки друг другу не пожимали. Алкоголь, драки? Господи, да это всё бред. Знаешь, что не бред? То, что по факту тебе плевать на моё обучение, лишь бы мама перестала об этом говорить. Тебе плевать на то, как я живу, тебя волнует только то, как это может сказаться на тебе. Тебе плевать на меня. Когда я купил кольцо, хотел сделать предложение – ты поддержал меня, но когда всё полетело к чертям, где ты был? Ни слова, ни слова от тебя не услышал. Мне жаль, что мы не понимаем друг друга, жаль, что ты не разделяешь или хотя бы не принимаешь мои идеи. К сожалению, мы всего лишь братья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.